

**Александр
КЛИНДУХОВ**

г. Киров

РАССКАЗЫ ИЗ ГЛУБИНЫ

(Вместо предисловия)

Платон Алексеевич Худяков (1903–1978 гг.) родился в деревне Горка Сольвычегодского уезда Вологодской губернии, ныне Верхнетомский район Архангельской области. Многие годы прожил со своей большой семьей в г. Кирове. Больше сорока пяти лет нет его с нами, но каждый раз, думая о нём, вспоминаю деревянный купеческий дом в старой части города, квартиру на втором этаже, небольшой кабинет, стол, окно с видом на грязную улицу с покосившимися домишками, старую печатную машинку «Мерседес», двустолку варшавского мастера Роберта Циглера, купленную в комиссионке, и, конечно же, печурку со стоящей в углу кочергой, которой дед позволял мне разбивать недогоревшие головёшки. Они, разлетаясь, вспыхивали, а дед садился рядом и рассказывал истории из своей жизни. Я любил слушать эти рассказы, возникающие из глубин его великолепной памяти. Меня завораживал и манил тот странный, далёкий и непонятный мир колдунов, охотников, диких лесов, непроходимых болот...

П.А. Худяков профессионально знал лес, жизнь свою отдал лесному хозяйству и любил его всей душой, а душа Платона Алексеевича была поистине необъятна. Выйдя на пенсию, он окунулся в мир воспоминаний, в мир литературы. Это и побудило его написать благодарственное письмо редакции «Нового мира» за публикацию произведений Федора Абрамова, его земляка, также родившегося на Пинеге, и попросить его адрес. Адрес был выслан. И Худяков 12 июня 1970 года начал письмо Ф.А. Абрамову словами: «Извините за непрошеное вторжение...» Это «вторжение» длилось ровно восемь лет.

Привожу несколько выдержек из писем Абрамова Худякову, которые приоткроют дверь в мир их взаимоотношений. «...С большим удовольствием прочитал Ваши воспоминания. Великолепно! По самому большому счёту. И все эти дни я думаю: а нельзя ли, вернее, как бы эти очерки напечатать? Будь у меня своя типография, я и минуты бы не задумывался – сразу под пресс!..

Славно, по-моему, у Вас звучит название: «Бывало-живало»... Это, если хотите, прямо

по-художнически...И, как знать, может быть, Вы были и рождены художником...»

«Пишите, бога ради, пишите о прошлом. У вас это здорово получается».

«Прочитал Ваши «мемории», и что сказать? – прекрасно! Очень всё мне близко по настрою, по мировосприятию. Ей-богу, читал и узнавал себя».

«На меня Ваши «мемории» произвели сильное впечатление, и мне хотелось бы, чтобы и другие сподобились той радости, которую я испытал».

После смерти П.А. Худякова Федор Абрамов 13.10.1978 г. в письме вдове Платона Алексеевича Худякова Марии Николаевне писал: «Поверьте: я немало встречал на своем веку интересных и значительных людей, а вот сердцем привязывался к единицам. И среди этих единиц был Платон Алексеевич. И сегодня я бесконечно клянусь себя за то, что не нашёл времени встретиться с ним вживе. Выбраться к Вам в Вятку, да что поделаешь: всегда мы задним числом умны».

В воспоминаниях Платона Худякова 18 глав. Семь глав были опубликованы в журнале «Север» в № 5 за 1989 год, одна глава была опубликована в журнале «Двина» в № 3 за 2020 год и три – в журнале «Двина» в № 1 за 2023 год.

1 декабря 2023 года исполнилось 120 лет со дня рождения Платона Алексеевича Худякова.

Платон ХУДЯКОВ

БЫВАЛО-ЖИВАЛО

Прошли лучшие годы жизни. Но и теперь, на склоне лет, волнуют воспоминания далекого детства – прохладные светлые зори, скрип журавля в деревне и доносящиеся на вечерней заре залиvistые переборы гармошки.

Какие памятники сохранились и могут напомнить о жизни Старой Деревни?

Всё до неузнаваемости изменилось.

Всё изрыто, искромсано и вывернуто наизнанку.

Лишь в извилинах мозга да в глубоких тайниках сердца навсегда осталась неповторимая красота и боль Старой Деревни, видение и запахи далёкого невозвратимого детства.

И эти зарубины не перечеркнёшь, не вырубешь топором.

Они навсегда останутся в памяти, часто и ярко вспыхивая и своим светом озаряя мятущуюся душу.

Под родной крышей

Земское начальное училище, единственное по тем временам во всей волости, находилось в нашей деревне и нашем доме. Проходя мимо низко расположенных окон училища, невольно остановишься и заглянешь внутрь:

– Интересно... Чего там делают?..

Учитель Василий Прокопьевич, откинувшись на спинку стула, вслух читает какую-то книгу. Ребята чинно сидят за партами и внимательно слушают. В другой половине – старательно что-то пишут в тетради. Вся классная обстановка: доска и парты, большие счёты со множеством жёлтых и чёрных шариков, цветастая карта на стене, глобус на чёрном шкафу с книгами и, наконец, царившая в классе торжественная тишина и уют составляли для меня необъяснимую таинственную прелесть, вызывая одновременно чувство горькой досады и собственного ничтожества.

«Какие они счастливые, – думал я. – Им можно учиться, а мне нельзя. Говорят, мал ещё... Эх, скорей бы!..»

Иногда приходилось наблюдать другую сцену. Учитель возбуждённый бежит по классу, кричит и брызжет слюной, размахивая длинной линейкой. У доски знакомый парень из нашей деревни, растерянный и красный от волнения, куксит глаза. Поодаль стоит на коленях известный лентяй и озорник Иванушко Кома. Наказание, как видно, его ничуть не тяготит. Он уже привык. Откинув туловище назад и присев на ступни ног, он что-то мастерит из бумаги и поминутно строит всевозможнейшие рожицы, пытаясь рассмешить товарищей. Но ребятам не до смеха. Засмейся – и сразу получишь удар увесистой линейкой по голове, в волосах всплывёт шишка. Тишина. Муха пролетит – слышно.

«Ну и что?.. Нисколько не страшно!.. – размышлял я. – Учитель наказывает по справедливости – тех, кто шалит или не выучил урок. Я не таковский... Уж я-то стал бы стараться...»

Мой интерес к училищу возрастал, и как-то раз, набравшись храбрости, во время перемены я зашёл в класс. Появился учитель.

– Э-э!.. Да тут старый знакомый!.. Учиться пришёл?

– А-га-а!..

– Молодец! Иди раздевайся и садись за первую парту... – и, глядя на ребят, назидательно внушает: – Ученье – свет, а неученье – тьма.

Воодушевлённый неожиданным для меня исходом дела, я с упоением включался в общий хор мальчишек и тянул: – А-у-у!.. М-м-м... А-а... Ма-а-а!..

С тех пор ежедневно, на правах такового вольнослушателя, стал ходить в училище. На следующую осень, хотя мне не было и полных шести лет, я был принят в первый класс.

Василий Прокопьевич был немолод, носил рыжие усы, на голове блестела большая лысина. Одевался, как мне казалось, отменно нарядно: чёрная сатиновая косоворотка с блестящими белыми пуговицами, просторный табачного цвета пиджак, немножко проносившийся в локтях, и, что самое главное, добротные, с длинными голенищами серые валенки. Такие валенки я видел впервые. У нас носили тогда «низовские» валенки. У них валеные-то только галоши до лодыжек, а голенища из домашнего сукна. Чтобы голенища не сползали, их подвязывали ниже колен верёвочками. Такие валенки очень практичны – легки, достаточно теплы, и в них удобно бродить по лесу по глубокому снегу. А вот настоящие катанки, да ещё с длинными голенищами, была мечта не только подрастающих, но и взрослых ребят.

Я часто ходил к учителю в гости. Он был одинок. Прислуживала соседка Малышиха – топила печку, варила обед, производила уборку комнаты. Раздеваясь в прихожей, проходил в комнату и садился на синий диван работы местного столяра. Всё здесь было необыкновенно красиво и празднично: тепло, светло, пол крашенный. Напротив на стене висело ружьё Бердана, а повыше – чучело краснобрового тетерева. Высоко поднятый лирообразный, с белыми перьями хвост придавал особо гордую осанку тетереву. Это была настоящая лесная царь-птица. Слева в большом простенке висел портрет Льва Толстого. Глаза писателя из-под лохматых бровей смотрели внимательно, строго, и мне казалось, пронизывали насквозь, угадывая все мои помыслы и желания.

Василий Прокопьевич кончил проверять тетради и, потянувшись, мечтательным взглядом вперился в чучело. Потом, положив одну ногу на другую, а руками ухватившись за колено, стал плав-

но раскачиваться и, наклоняясь, неожиданно резко пропел по-тетеревиному:

– Чу-у-фы-ы-ы-шь-шь!.. – ещё раз, ещё...

Я с немым восторгом глядел на учителя и боялся пошевелиться. Пошевелись, – тетерев стрепетнет крыльями и улетит в синеющую лесную даль за окном.

Как замороженный я мог часами глядеть на эти висевшие недоступные мне предметы и мечтать:

«Вот подрасту и буду учиться дальше... Выучусь на учителя. Вот так же, как Василий Прокопьевич, заведу себе патронную дробовочку... Это не какая-нибудь кремнёвка или пистонка, как у дяди Ивана (и курок-то не стоит), здесь, брат, патроны... Засунул в дуло и ба-бах!.. Вот что значит быть учителем».

Мне доставляло особую радость, когда после суровой матушки-зимы, при первых весенних капелях, учитель садился заряжать патроны. Я смотрел, как с особым вниманием волшебствует он за этим занятием, а воображение, навеянное рассказами наставника, рисовало картину: «Рано, чуть свет, под покровом тумана, подползёшь к стайке плавающих, ныряющих на кормёжке уток и из-за куста, прицелившись, бу-у-ух! Стайка снялась, а на воде, повернувшись вверх брюшком, осталась пара красавцев кряковых». Одна мысль о возможности выстрелить из ружья и взять в руки трепещущую дичь волновала и бросала в жар и трепет.

Ранней весной учитель ходил с Малышом на Коредину, на ток. Там преогромнейшее моховое болото и, рассказывают, тетеревей видимо-невидимо. Удача не всегда сопровождала охотников. Иногда вечером хорошая, ясная и тихая погода, и охотники отправляются в лес на болото. А ночью вдруг подует холодный сиверко, повалит хлопьями снег, и охота пропала. Утром усталые, по нетронутой снежной целине, возвращаются ни с чем. Такова уж она, охота.

Со вскрытием реки учитель ставил подольники. Ловились крупные мясистые налимы. Местные жители никогда не ловили подольниками – не принято, да и изготовление снасти требовало денег, хотя бы на крючки. Серьёзные мужики, потомственные промысловики-охотники, считали вообще предосудительным заниматься любительской рыбалкой или охотой за утками. Презрительно указывая на такого тургеневского Ермолая, говорили: «У кого на уме рыбка да утки – на полосе растут дудки».

Рыбалка учителя имела для меня материальный интерес. Я доставлял для наживки подольников

земляных червей, старательно перекапывая грядки на огороде. А рыбак, видя мой нелёгкий труд, расплачивался. Три сотни червей – три копейки. Получив наличными, я бежал к лавочнику Егору. Егор брал, как медный подсвечник, ключ и не спеша открывал лавку. На три копейки давал горсть мятных сладких пряников, и я, получив лакомство, на рысках бежал к матери. Попробовать съесть хотя бы один пряник в пути считал предательством.

Однажды весной, перед летними каникулами, приехал из Верхней Тоймы становой пристав. У учителя произвели на квартире обыск и нашли запрещённую литературу. В зимние вечера к учителю приходили на квартиру мужики, и он читал им книжки про политику. Его увезли в город. Что стало с учителем? Посадили ли в острог или ему удалось из жандармских сетей выпутаться, осталось для меня неизвестным.

На следующую осень приехала новая учительница Александра Тимофеевна. Она была молода, только что окончила Вятскую гимназию. Всем ребятам в училище очень нравилась. Я тоже лез из кожи, чтобы стать лучшим учеником и добиться её расположения. Она никогда на нас не кричала, не наказывала, лишь иногда, разобидевшись на шалунов, закрывала лицо белым кружевным платочком и тихонько плакала. После этого ребята сидели тихо и шалости не повторялись.

С грустью и светлой радостью вспоминаются детские игры и забавы со сверстниками. В своих играх мы обычно подражали взрослым – пахали, косили, делали вилы, грабли, рубили лес, строили за полем охотничью избушку. Однажды в праздничный день с утра отправились на беличий промысел. На всю артель охотников была лишь старая кремнёвая малопулька да много поработавшая за свой век остроушка Дамка.

Яркий, солнечный день. Свежевыпавший снег блестит и искрится на солнце. Высокие лохматые ели, одевшись в белый наряд, как зачарованные, стоят неподвижно, любуясь собою. На всём печатъ девственной чистоты и таинственности. Очувтившись впервые в такой необычной обстановке, мы присмирели и жадно вслушивались в тишину зимнего леса. Неожиданно лес ожил и огласился громким радостным лаем.

– На кого это она? На белку? А может, это куница? Ку-ни-ца-а-а!.. – И мы бросились в сторону полайки, падая и опережая друг друга.

На самом крестике суковатой ели, в лучах зимнего солнышка купалась бесхитростная белочка. Дамка, стоя поодаль ели, наострив ушки и помахивая бубликом, злобно лаяла.

Окружив ель, мы, не отрываясь, с немим восторгом глядели на белочку. В таком голубом, праздничном наряде видели её впервые.

Как хороша и заманчива добыча! А как взять её? Она ведь и бегает, и прыгает... Удастся ли в такую стужу зарядить малопульку и впервые выстрелить? Стрелял-то из неё ещё дед, которого уже давно нет в живых.

Радуюсь и сомневаясь, я стоял в глубоком снегу, цепенел от холода, не зная, с чего начать. Куда ни глянь – везде толстый слой пушистого снега. Крепкий морозко. Стынут руки.

Но это была лишь дань минутной слабости. Мы принялись за дело. Выбрали удобное место, отоптались и стали заряжать малопульку. Отсыпали полумерку порошу. Откусив от свинцового прутика пульку, поочерёдно обкатывали её на зубах и с большим трудом вогнали в ствол железным шомполом. Злой морозко ожигал и прихватывал мокрые руки к металлу, но мы, охваченные неуёмной охотничьей страстью, не замечали мороза.

Произвести из современного ружья выстрел проще простого. Для нас же, мальчишек не старше десяти лет, кремнёвка была то же, что пушка для взрослых. Мы могли выстрелить, действуя только совместно. Насыпав на приполочку пороха, то поднимали тяжёлый ржавый замок и, прицелившись, спускали, то снова досыпали порох, вновь подъём и спуск курка, и так десятки раз, а выстрела не было. Вконец измучившись неудачей, заменили кремешок, и он-то сделал своё дело: от искры порох вспыхнул и ружьё лунуло. Большое яркое пламя... и удар в плечо. Лицо обожгло. Стреляя на коленях с валежины, я невольно откинулся назад, а соучастники, стоявшие сбоку, попадали в снег. Очнувшись, увидели, как Дамка мнёт в пасти белочку. Белочка, видимо со страха от выстрела, прыгнула с ели и угодила в пасть шустрой лайки.

– Покинь!.. Покинь! – хором закричали мы.

Дамка отскочила, выпустив из пасти тушку зверька.

Сбылась наша давнишняя мечта! Вот она, наша добыча! Лежит недвижно, распластавшись на снегу... Сколько было наивного восторга, неподдельной детской радости. Тушка долго переходила из рук в руки. Её оглаживали, встряхивали и любовались нежным голубым мехом.

Усталые, но полные ярких, незабываемых впечатлений, мы возвращались домой.

Уже вечерело. Меня потеряли. Мать, увидев в руках белочку, заволновалась, схватила с гвоздзя решето и ко мне.

– Сколько дырок, столько белок!.. Сколько дырок, столько белок!.. – скороговоркой, как кудесница, шепчет мать, наклонившись над решетом.

Таков несложный обряд, сохранившийся с древних времён на Пинеге, свершая который начинающий охотник получал милость духов на успех в дальнейшей охоте.

Охотиться с кремнёвкой мне больше не пришлось. Стрельба из старой малопульки была небезопасной. Слабо сидящий казенник при выстреле мог вылететь в лоб стрелявшему, поранить и обезобразить охотника. Таких меченых мужиков с иссиня-чёрным лицом и крупинками пороха вокруг глаз под кожей встретить в нашей глухомани было не редкость.

В 1913 году, в трёхсотлетие дома Романовых, я окончил земское начальное училище. Свидетельство и похвальный лист об окончании были напечатаны золотыми буквами на толстой мелованной бумаге, а поля украшены виньетками и рисунками с золотым тиснением из истории русских царей. Вид этих красиво оформленных документов, как награда за труд, был впечатляющим и остался в памяти на всю жизнь.

От нужды к изобилию

Густой, бархатный гудок парохода взбудоражил тишину раннего августовского утра и, переливаясь, покатился по прибрежным раздольным лугам, по длинному, дымящемуся легким туманом плёсу Двины и затих где-то в синеющей кромке ракульских лесов. Пароход не спеша подчалил к пристани, брошены трапы, и я с многочисленной толпой других пассажиров, навьюченных мешками, корзинами, берестяными туесами, пестерями и прочей поклажей, сошёл на берег. Поодаль стояли, вооружившись кнутами, местные крестьяне-извозчики. Их лошади, запряжённые в лёгкие тарантасы или обыкновенные телеги-ропушки, поспавывая лениво, жевали сено. Ко мне подошёл степенный широкобородый мужик и спросил – кто я и куда еду. Несомненно, он заметил на рукаве моей новой гимнастёрки из чёртовой кожи нашивку зелёных веточек дуба и догадался, что имеет дело со служащим лесного ведомства, которые в ту пору занимали среди сельских жителей ещё высокое, привилегированное положение. Лесничего и его помощника по старой дореволюционной традиции на Севере называли не иначе как барин. Это же почтение было проявлено и ко мне практичным и, как я уз-

нал позднее, крепоньким мужичком, пожелавшим заранее завести со мной знакомство.

Итак, я очутился в тарантасе на мягком душистом сене. Лошадка, похрапывая, весело бежала по гладкой укатанной дороге. Впереди в низине виднелась старинная белая церковь и вокруг неё утопающие в зелени высоких деревьев зелёные, красные крыши домов небольшого села Черевково, центра района. Кругом раскинулся обширный заливной луг, высокие по пояс травы, тихая гладь кишаших живностью озёр, окаймлённых зарослями ивняка. Мирная сельская идиллия вызвала во мне радость и надежду на счастливое будущее.

С тех пор как я покинул Великий Устюг, где незаметно протекли три года учёбы, и хотя в вечном недоедании и нужде, но весело и беспечно, меня томило новое тревожное чувство неизвестности и ответственности, принятой с назначением помощником лесничего. Сейчас же мне было легко и радостно, и я ощущал в себе силу и уверенность справиться с любыми трудностями, какие могут встретиться мне на служебном пути.

Через полчаса я уже стучался в дверь Черевковского лесничества.

Зайдя в прихожую, я не стал тратить время на излишние тары-бары и с удовольствием растянулся на соломенном матрасике, услужливо предложенным хозяйкой дома. Через минуту уже спал крепким молодецким сном праведника.

Часов в десять утра меня пригласили в квартиру лесничего. За празднично убранном столом сидела чопорная дама, мать лесничего, и разливала чай. Навстречу поднялся маленький, простенький, в чёрной сатиновой косоворотке и с копной русских неподатливых волос, улыбающийся паренёк двадцати шести лет.

– С приездом в наши края! А я вас давно уже поджидаю. Гублесотдел сообщил мне о назначении двух молодых помощников.

Я с удовольствием пожал руку, хотя в душе проскользнула тень лёгкого разочарования. Не таким будничным, простоватым представлял я себе первого наставника и учителя.

– Наше лесничество концессионное, закреплено за фирмой «Русголландлес». Это возлагает на нас особую ответственность за соблюдение правил ведения лесного хозяйства, – не торопясь, чуточку важничая, повёл беседу лесничий Стуков.

С простодушием неоперившегося галчонка я смотрел на своего начальника и старался не проронить ни слова.

– Работать будет интересно. Лесничество вновь устроенное, новый план лесного хозяй-

ства, богатейшая документация. Впервые вводится в практику отпуск леса основному заготовителю с учётом по пням. А время уже позднее – август месяц. Не за горами зима со снегами и морозами. Мы должны во что бы то ни стало закончить клеймение и другие лесные работы на высоком качественном уровне и в срок.

«Вот попал, как кур во щи, – с тревогой думал я. – Сколько предстоит дела, какая ответственность! А вдруг не справлюсь? Наверняка придётся работать с опытными, тёртыми мастерами-заготовителями фирмы, представлявшими мне жуликами и пройдохами, которые, безусловно, используют все средства, весь профессиональный и жизненный опыт, чтобы меня обвести, надуть и в конечном счёте добиться удешевления продажной стоимости леса. И кому? Концессионеру! Голландским буржуям! Нет, не поддамся ни на какие ухищрения. Сумею защитить интересы нашего молодого советского государства. Пока здесь, надо вызубрить условия на отпуск леса, разобраться в пороках фаутовых деревьев, что неясно – уточнить. Готовиться, готовиться! Как к выпускным экзаменам».

– Чего вы повесили раньше времени голову? Кушайте! Угощайтесь!

И впрямь, чего же я? На столе шипящий, блестящий, рюмочкой самовар. Среди разнообразнейшей снеди – пирогов рыбных, творожных, сладких, шанежек самых разнообразных по виду и по вкусу, на большом медном подносе восседал преогромнейший, с четвертину поросёнка окорок по меньшей мере килограмм пятнадцать-двадцать, а в центре стола запечённый в белый хлебный сочень широкий, как лапоть, лещ.

«Вот живёт! – невольно подумал я. – Ешь чего хочешь, чего душа пожелает. Неужели настанет время и я дослужусь до такого изобилия благ земных?»

Не стал ждать повторного приглашения и принялся завтракать.

Неслучаен тот потребительский интерес, который вызвал богатый стол лесничего. Наши годы учёбы совпали с периодом жесточайшего голода и разрухи в стране. Питались и одевались плохо. Особенно было трудно в техникуме мне и тем другим, которые приехали издалека и не могли получать материальную помощь из дома. Посылки по почте не принимали, а о попутчиках и говорить нечего.

Нужда и недоедание были наши повседневные спутники. Все средства к существованию – 30 фунтов муки на месяц, полфунта соли и стакан

топлёного масла. Приходилось изворачиваться: масло продавал на рынке, а на вырученные миллионы покупал то картошку, то мыло, чтобы сходить в баню, а иногда сахарин, чтобы подслащивать горячую воду. Обычный рацион – хлеб, соль, вода в неограниченном количестве, иногда котелок картошки. За все три года, как и мои одноклассники, не бывал в столовой. Их в городе не было, за исключением столовой для рабфаковцев, которые в то время пользовались преимущественным положением среди учащихся города.

Как ни эконоь, ни рассчитывай, а к концу месяца нормированные запасы иссякали, и дня три приходилось туго. Голодно. Под влиянием голода в голове бродили всякие мысли, иногда нелепые, сумасбродные. И я рад, что никто из нас, находясь в тяжелейших материальных условиях, особенно первые два года учёбы, не встал на скользкий путь мошенничества, спекуляции, ведь рынок-то был рядом, и мы с честью выдержали эти испытания. Это свидетельство большого нравственного здоровья молодёжи того далёкого времени.

За окном квартиры лесничего огромная рыночная площадь, сплошь запруженная народом. Сегодня второе августа – религиозный праздник Ильин день. Мы пошли посмотреть рынок. При входе на площадь готовые косы-горбуши, грабли, трёхрогие вилы и прочий сельхозинвентарь. С Ильина дня по всему району начинался сенокос, уборка заливных лугов. Раньше этого срока по мудрой старинной традиции знаменитые двинские луга не косили, дабы цветущие травы успели созреть и осеменить луговые площади и тем самым сохранить высокую урожайность трав на будущее.

Цены на все продукты баснословно дешёвы. Спрос на продукты мал, девать некуда. Достаточно сказать, что в первый же день своего приезда я нашёл себе комнату с готовым питанием за общим столом с хозяевами и плата – червонец в месяц.

Заслуживает самого большого восхищения, как организовано и я бы сказал эффектно, была проведена денежная реформа в конце 1923 года, когда появился в обращении этот самый червонец.

Представьте себе – всеобщая экономическая разруха, голод, катастрофически, ежедневно падающий курс рубля, миллионы миллионов рублей в обращении, покупательная способность которых была равна почти нулю. В магазинах, где принимались миллионы, пустые полки, на рынке только товарообмен. И вот началась большая подготовительная работа по осуществлению эконо-

номической реформы, о которой мы, пользуясь слухами, только предполагаем. На продолжении доброй недели все магазины закрыты на замок. У людей и радость, и надежда, и сомнения. Они уже разучились верить в лучшее будущее.

И, наконец, свершилось чудо! Необыкновенное чудо! Распахнуты двери государственных магазинов, и в них полное изобилие всевозможных потребительских товаров. Я помню, мы зашли в «Севдвинторг». Все полки огромного магазина, где ещё совсем недавно в продаже были только солдатские варежки из фланели, сверху донизу были завалены кусками тканей шерстяных, хлопчатобумажных, шёлковых, и на всё низкие твёрдые цены в рублях, копейках. В ту же зиму, работая по ночам и в праздничные дни на чертёжных работах, мне удалось заработать 25 рублей. На эти деньги я, бедный студент, полностью оделся: к весне справил шевиотовые брюки клёш, ботинки и чёрную сатиновую косоворотку, которая по тем временам среди учащейся молодёжи была в моде. Носить рубашку с галстуком – этим буржуазным атрибутом, считалось неприличным, позорным.

Летом перед выпускными экзаменами мы уже позволяли себе по воскресеньям покупать на комнату четверть топлёного молока и буханку белого хлеба на обед. Такая роскошь два года тому назад и во сне не снилась. Хлеб покупали не в государственном магазине, а в булочной у частника. Один предприимчивый мужичок из пригородной деревни открыл недалеко от нашего общежития свою пекарню и булочную лавку. Работая вместе с женой и пекарями, и продавцами, без привлечения чужого труда, они успешно конкурировали с кооперативной и государственной торговлей.

Тогда же, в лето 1924 года, появились в продаже спиртные напитки, сначала виноградные вина, а потом и водка, которую в простонародье называли «рыковкой» в честь председателя народных комиссаров А.И. Рыкова, разрешившего продажу водки. До этого в России существовал сухой закон. Начиная с июля 1914 года, когда была объявлена война с немцами, продажа водки царским правительством была запрещена. Не было в продаже водки и в первый период Советской власти, когда был жив В.И. Ленин, несмотря на большие экономические и финансовые трудности, которые переживало молодое советское государство.

Пора вернуться к месту моей службы. Несколько дней покрутился в конторе лесничества: зна-

комился с лесами по лесоустроительным материалам, изучал район будущих работ и, закончив ряд неотложных дел по канцелярии, обратился с просьбой к лесничему:

– Разрешите, Василий Михайлович, до начала лесных работ домой на Пинегу съездить, повидаться с родными. Целый год дома не был.

– Надолго?

– Недельки на две.

– Ну что вы, что вы! На две недели! – с напускным удивлением говорил шеф. – Придумали тоже. – Потом, немного подумав, продолжал: – По закону я вроде и обязан по окончании техникума предоставить вам отпуск, но учтите – для вас же будет хуже. Не справитесь с клеймением за осень, будете работать зимою. Вашу работу никто выполнять не станет. Так что решайте сами.

– Что же, я не против. Пять дней на дороги, да пятидневка дома, и мне хватит. А с работой по своей праводвинской даче постараюсь управиться до зимы и помощи просить не буду.

– Согласен. Счастливого отдыха.

Сборы были недолги. На дорогу получил немного денег, положил в фанерный баульчик буханочку хлеба, кусочек сливочного масла – и в путь. К крыльцу подъехал в пролётке на сером жеребце местный кучер Паша Подойницын, лихой и озорной мужик из ближайшей деревни, и через полчаса, точно к приходу пассажирского парохода, он лихо подкатил к пристани. Отрекомендовал меня стоящей толпе знакомых мужиков и баб:

– Это наш новый помощник лесничего! Наперво, хороший, смирный парень, а что дальше будет, не ручаюсь. Дело молодое... Ха-ха-ха!..

Десятки пар глаз беззастенчиво меня разглядывали, и это внимание местных жителей и внешний шик, произведённый лихим кучером при подъезде к пристани, приятно пощекотали моё самолюбие.

На пароходе, впервые за свою жизнь купив билет на проезд не третьего, а второго класса, вышел на палубу и, прогуливаясь в толпе других пассажиров, чувствовал необыкновенное душевное ликование.

Сколько было потрачено лет, а с ними пережито лишений и трудностей. Сколько надо было проявить настойчивости, терпения, чтобы преодолеть их, и вот всё позади... Я достиг осуществления своей мечты. Вошёл в класс провинциальной сельской элиты. У меня диплом техника-лесоведа, впереди интересная, по душе, работа, а с нею и материальные блага, и положение среди людей.

По тем временам получить среднее техническое образование было уже великое дело. Получить высшее образование, по старым крестьянским взглядам, и в ум никогда не приходило. «Где уж нам уж выйти замуж!»

Гуляя по палубе, я с жадностью вглядывался в береговые окрестности Северной Двины, где каждый островок, покрытый густыми зарослями ивняка, неповторимая кромка прибрежных лесов, обширные заливные луга, изрезанные протоками и озёрами, и виднеющаяся в синей дымке, как негасимый маяк, сельская церковь, – вызвали чувства радости и непрерывную цепочку воспоминаний.

Наконец и пристань Верхняя Тойма, своя, родная. Но какая она маленькая, невзрачная, бедненькая, как сам Пинежский край, который она обслуживает. На пристани совсем мало людей и уже нет того оживления, шумной суеты, какая наблюдается на пристанях выше – Черевкове, Красноборске и других, где и народу больше, и одет он лучше, и живёт богаче.

На пристани меня ничто не задерживало, и я по берегу пробираюсь в село.

Остановился в Тойме и ночевал у моего старшего шефа, Ивана Ивановича Бечина, бывшего заведующего 26-м лесозаготовительным районом Гублескома. Мой земляк, замечательный человек и талантливый самородок. Мужчина около двух метров роста, важный, солидный и своим внешним видом внушающий, пожалуй, невольную отчуждённость. Это только с виду. При первом же разговоре это впечатление сразу менялось, – он покорял собеседника душевной теплотой и простотой.

Как-то осенью двадцатого года я встретился с ним в волисполкоме, где по-прежнему тянул лямку бесперспективного канцеляриста.

– Ты что же? Долго ещё будешь здесь околачиваться? Пора и о будущем подумать.

– А что я могу сделать? Какой выход?

– Знаешь что? Переходи-ка ко мне на работу! Можешь сначала обходным в лесу поработать. По мере приобретения практического навыка приёмщиком станешь. Если проявишь способности – неограниченная перспектива роста. Идёт? Договорились?

– Я с радостью, Иван Иванович.

– Вот и прекрасно. Приходи в понедельник на Согру в контору и там окончательно всё утрамбуем.

Поработал зиму в лесу обходным, обязанности несложные: следить за соблюдением условий на разработку лесосек, предупреждать лесонару-

шения. Работа «не бей лежачего». Утром встанешь на лыжи и обойдёшь границы лесосеки, в деланки к лесорубам заглянешь, побеседуешь, раза два на катище с девчонками-возчиками съездишь и к концу дня – в избу чай пить.

По окончании зимнего сезона Иван Иванович перевёл меня в контору счетоводом по лесоматериальной части. Сиди за столом, вежи книгу прихода леса, документы обрабатывай, кубатуру подсчитывай – тоже работа несложная, ума на грош не надо. Зарплата, снабжение – людям на зависть. Все служащие лесрайона, вплоть до сторожей складов, получали хороший паёк – муку, треску, крупы, сахар, масло растительное и даже папиросы высшего сорта «Дядя Костя»: стране нужен был лес.

Осенью 1921 года, когда было получено сообщение об открытии в Великом Устюге двухгодичной лесной школы, Иван Иванович посоветовал ехать учиться. По командировке профсоюза Все-работземлес выехал на учёбу и через три года окончил лесной техникум.

Вот кто был для меня Иван Иванович. По существу, он вывел меня на широкую, торную дорогу жизни, по которой я шёл с любовью, с вдохновением, трудясь всю жизнь с лесом. Солидная и важная отрасль народного хозяйства – ЛЕС.

В тёплый августовский вечерок, хорошо поужинав, мы, сидя в его довольно простенькой, бедно обставленной квартире, по-дружески беседовали.

Мой собеседник скромный и очень строгий к себе, я бы сказал, человек аскетического склада, абсолютный трезвенник, имел большой жизненный опыт работы с людьми. Естественно, мне захотелось воспользоваться его советами.

– Иван Иванович! Я молод, у меня нет жизненного опыта. Научите, как жить, как вести себя среди людей, чтобы потом не было стыдно.

– Для меня самым главным правилом в жизни было и есть – всегда оставаться честным, справедливым и никогда не терять совесть. Соблюдая эти требования, легко жить. Всегда можешь прямо смотреть в глаза людям, не прячась, – говорил он. – Но и трудиться, любить труд – это ведь тоже важно в жизни. Это само собой. Работая с душой, увлечённо, нельзя не трудиться. Труд становится для тебя радостью, само собой разумеющейся необходимостью. А как же иначе? Не представляю.

– В свободное время ходили в гости? Пировали, веселились?

– Признаться, и в молодости у меня не было пристрастия к увеселениям. Самую большую ра-

дость я получал от своей работы, от того, что своим трудом приношу людям пользу, жизнь, счастье. Их благодарное отношение ко мне – лучшая награда за труд.

Его чёрные глаза, задумчивый, пристальный взгляд человека, убеждённого в правоте своих моральных принципов, ворошили душу и оставили глубокий след.

– И вторая очень важная сторона моей лесной деятельности, – продолжал Иван Иванович, – доставляющая удовлетворение – это производственный риск. В своей работе, особенно на сплаве, руководитель во многом зависит от капризов природы. Для того чтобы обойти все «надводные камни и мели» и добиться успеха – мало опыта, нужен ещё ум, интуиция, природная способность к риску. Такая работа вызывает истинный азарт игрока и радость, если в этой схватке с силами природы выходишь победителем. В этой неравной борьбе главная опора на народ, на людей. Человек в своём труде способен делать чудеса. Важно знать подспудную силу народа и уметь вовремя её использовать...

– Неясно, Иван Иванович, о какой подспудной силе народа вы говорите?

– Вот один небольшой пример. Будучи молодым доверенным фирмы, я заготовил лес по Ерге. Подошёл сплав, точнее, выгонка леса. Мои предшественники не раз терпели большие убытки на этой речке – обсушивали лес. Я тщательно изучил причины аварий, режим реки и составил свой необычный план. Если ранее на выгонку привлекалось сотни две с лишним народу, то, примерно при тех же объёмах, я ограничился количеством опытейших рабочих в два-три раза меньшим. Но каких рабочих? Из самолучших сплавщиков я создал артель в 25 человек и установил им двойную подённую плату. Поставил им задачу: идти в голове моля и не допускать никакого затора, чтобы лес шёл безостановочно. Держать связь, потребует дело – не спать, работать день и ночь. А на зачистку хвоста поставил с полсотни обычных рабочих-подённых. При хороших горизонтах закончили сброску древесины, и за какую-нибудь неделю мы выскочили в устье Ерги, блестяще завершив выгонку леса.

Рисковал я, отказавшись от старых методов организации работ? Безусловно. Риск был большой. Но у меня была полная уверенность в успехе дела. И не ошибся. Лучшие сплавщики моей артели, получая двойную оплату, работали как звери, один за троих.

– Но...Иван Иванович! Это ведь и есть самый

злейший способ эксплуатации рабочих! А вы от этого в восторге.

– Помилуйте! Какая же это эксплуатация? Эксплуатация – это рабский, подневольный, низкооплачиваемый труд. А я же дал им самую высокую, никогда ранее не применявшуюся подённую плату. И этот труд был для них в радость, удовольствие. Радостный, вдохновенный труд даёт человеку необыкновенную силу и мужество. В этом и есть его коренное отличие от вяющего животного.

– А дальше что?

– По завершении сплава я поставил им обещанные два ведра водки. Ребята заслуженно погуляли.

– А потом?

– Потом эту же артель поставил на оплотку, и каждый из них при сдельной оплате труда сплавивал за день по сотне и более пиловочника, перевыполняя норму в два-три раза. Какие красавцы! Какие работнички были! Таких уже теперь по опыту, по сноровке, по честному отношению к делу, пожалуй, не встретишь.

– Почему не встретишь? Помните, Иван Иванович, когда мы работали на Согре в лесрайоне, был у нас лесоруб из Противной, Павел Переладов, брат Игнатия Васильевича, моего заземот-делом. Так он за короткий зимний день своим шведским клином заготавливал соснового пиловочника с чистой окоркой 13 брёвен. А ведь бревно-то по толщине рукой не обхватишь. До сих пор восхищаюсь. Обычно лесоруб готовит за день пять-семь брёвен, а он тринадцать!

– Ничего особенного. Таких богатырей у нас на Пинеге встречал немало. Веками, из поколения в поколение с топором в лесу. Люди наращивали сноровку, опыт...

Утром, в самом добром расположении духа, по старой знакомой дороге направился в путь. Впервые за все годы своих странствований шёл с необыкновенной лёгкостью и скоростью. Не удивительно. Это были мои лучшие годы – двадцать лет. Часам к девяти вечера я был уже на Тальце, в шестидесяти верстах от Верхней Тоймы. Такой переход в жаркую погоду, в плохо подогнанной обуви сказался. Проснувшись рано утром, не могу ступить на ноги. Подвертел подошвы. Старуха, хозяйка избы, посоветовала:

– Иди-ко, парень, к нашему Талицкому роднику да сунь ноги-то в яму. Подержи в ледяной ключевой воде, пока терпеть можешь, вот тебе и всё лечение. Боли твои на подошвах как рукой снимет.

Совет Максимовны пошёл на пользу. Стали пить чай.

– И не скучно тебе, Максимовна, жить одной, без людей в таком глухом лесу?

– А чего скучать-то? Не одна ведь я. Выйдешь из избы утречком, – сколько всяких птах распевают. Каждая божья тварь своей жизнью живёт и славит своего создателя господя Бога. Сиди, слушай, наблюдай. А намедни по малину пошла. Ягоды рядом, за избой. Вышла на широкую грань, стою в малиннике наклонившись, знай ягоды собираю. Глянула, а в пяти шагах медведь тоже ягодами лакомиться подвалил. Стал на задние лапы и смотрит. Стоим, с друг дружки глаз не спускаем. Ухнула я. Только и видел. Разом в лесу скрылся. Где уж тут скучать-то!

– Поди-ка, медведя увидела – испугалась?

– Чего пугаться-то? Не впервой ведь! Которо уж лето за избой живёт. Старый знакомый. Зверь он смирённый. Только ты его не трожь, а он не тронет. Вот другой охотник-растяпа ранит мишку, тут уж держись. Спозаранку гроб заказывай. Больно охоч волосы на голове оснимывать.

Помолчали.

– У вас в лесу, наверно, полно боровой дичи?

– Этого добра у нас хватает. Были бы ноги да желание – лови не переловить. Раньше старик был жив, так этим делом занимался. Охотился по осеням. Сот пять силов расставит! Ловил рябчика, тетерь. А я весь путик запустила да заростила.

– Сама-толовишь сколько по осеням?

– Так самую малость, себе на прокорм. Расставляю за избой по веретье силков с полсотни, так маленько попадает. Не каждый день и смотришь. А весной рядом на болоте польники падают, так я ток засекаю. Не много и дела, а сходишь рано утром, – когда два, а то и три принесёшь.

– Уходишь в лес, а как изба? Вдруг кто-то придёт, подъедет. А тебя в доме нет.

– Ничего страшного. Изба на месте. Ничего не закрыто. Заходи в избу – хошь, лезь на полати, отдыхай, хошь – ставь самовар, пей чай. Ухожу-то теперь на какой-нибудь час-два, недалече. Плохо ноги носить стали. Старость сказывается. Годов на десяток помоложе – ногаста была. Охотились со стариком, дай бог каждому!

– Вот бы когда-нибудь осенью к вам приехать и поохотиться! Какая глушь! Какая нетронутая лесная целина!

– Приезжай, приезжай. Только не забудь на встречу половиночку вина.

– Вот те раз! Разве ты пьёшь?!

– Пью, пью, батюшко. На большой дороге живу.

Ране, когда мужики с извозом ездили, тот рюмку, другой рюмку... Много не пью, а попривыкла.

– Ну что же. И не люблю пьющих, а в следующий раз с пустыми руками появляться не буду.

– Молод ещё, молод... Постарше будешь, и к водочке попривыкнешь... Конечно, добра от неё мало... Может, и не станешь... Дай-то бог, дай бог!

Солнце уже клонилось к вечеру, когда я свернул с тракта на знакомую тропку-прямушку и вышел к Пинеге. Осталось шесть вёрст до дому, впереди небольшая деревушка Лохамы. Иду по берегу реки. Слева – скошенные пожни, остожья с небольшими зародами сена, а справа игриво струится родная Пинега. Сквозь чистые воды просматривается разноцветье галечника и снующие туда-сюда песчарики, ельчики и прочая живность. Недалеко от берега сыграла крупная рыба, и большие круги на секунду нарушают быстрое течение струи. Вся эта активная жизнь реки знакома ещё с детства.

За рекой лохматый сосновый бор и чуть повыше – устье Шидровой, где когда-то стояла старенькая мельница, и старые люди говорили, что там же, в устье речки, следы старого чудского городища.

Ранней весной ещё кругом снег, а на Шидровском перекате, рано освободившемся ото льда, уже появились первые утки – кряквы, гоголи. Не одну утреннюю зорю провёл я подростком на перекате в снежном окопчике, любясь красками солнечного весеннего утра, поджидая уток.

Всплывшие воспоминания оживают в памяти, волнуют и радуют.

Красив и люб родной край!

Навстречу идёт знакомый старик, по принятому обычаю босиком, в полинялой домотканой рубахе. Низко сидящий поясok рельефно обнажил круглый животик. Через плечo висит уздечка.

– Здорово, дед!

Дед остановился, поднял голову и застыл от страха и удивления. Оплывшее красное лицо окаменело, рот раскрыт, и вытаращенные водянистые глаза наполнены ужасом.

– Здорово, говорю! Ты что, не узнаёшь меня?

Дед недвижим. По лицу с большой лысины струится пот. Всё то же молчание.

– Что с тобой приключилось, Степан Тимофеевич? Али язык отнялся?

Старик пришёл в себя и глухо пролепетал:

– Чей ты-ы-ы? Откуда?

– Так я же почти твой сосед. И не только сосед, даже дальний родственник. Ты же каждый прес-тольный праздник к нам на Горку в гости ходишь.

И я мальчиком бывал у тебя в Обсевны в гостях с матерью. Не помнишь?

– А-а-а! Вишь ты! С Горки! А я ведь не узнал тебя, паря. Принял за Федьку с Кераса. Помнишь, на Керасе лет пятнадцать тому назад пропал парнишко в бору по Пинеге. Федькой звали. Сказывали тогда – увёл его леший в другой мир, в бору-то мальчишке дедом представился. Феночка тогда говорила, что когда Федьке двадцать лет исполнится – отпустят его нечистые. И вот ныне летом объявила, что парню двадцать лет стукнуло и теперь ему самое время домой вернуться. Вот и ждём всей волостью Федьку, со дня на день, должно быть. Она, надо быть, даже видела его недавно с двумя сундуками. Только он недоволен на отца, что плохо молебны служит, так всё задерживают, не отпускают нечистые.

На днях перед грозой по Керасу вихорь прошёл, так ни у кого в деревне, а только у Васьки Якушевича всю крышу с дома сдёрнуло. Это буд-то от злости на отца Федька сделал. Нечистые завсегда себя в вихоре показывают.

Чу-де-са! Ох ты мой родимый, сермяжный край! Уж семь лет как советская власть на земле стоит, а в нашем Мало-Пинежье пока ничегошеньки не изменилось. Дедко Дьячкович меня за Федьку, пропавшего пятнадцать лет тому назад, принял.

– Так ведь вы ждёте его с большими сундуками, нажитыми в невидимом миру, – обращаюсь к деду. – А у меня ничего нет, один маленький пустой баульчик.

– А я подумал, что багаж-то где-нибудь недалеко в лесу оставил, а мне показался налегке.

– Эх, дед, дед! Не придётся тебе встретиться с Федькой. Выдумка всё это – от суеверий, невежества, безграмотности.

– Кто его знает... Век жили и верили.

– Так это было раньше. А теперь другие времена пошли. Не стало нечистой силы. Сгинула она.

– Сгинула, говоришь? – Из-под лохматых седых бровей с недоверием и снисходительностью глядели на меня прищуренные глаза, говорившие: «Молод. Глуп. Поживи-ко с моё-то... Другое заговоришь».

– Ты куда это пошёл-то?

– За конём пошёл. Жито есть ещё не прибранное, дак хотим до вечера подвести и в корас сложить.

– Ну, давай, давай... Топай. Заходи в гости!

Пять дней отпуска пролетели буднично и незаметно. Несколько раз выходил со своими в поле. Жал жито, подвозил снопы. Помог убрать хлеб. А потом брат Иван запряг Карька и отвёз в Тойму до пристани. Впереди ждала первая самостоятельная работа в лесу, первые шаги на служебном поприще.

Александр Федорович КЛИНДУХОВ

родился в 1956 году в рабочем поселке Калинино,

Калининского района, Горьковской области.

С 1957 года живет в городе Кирове (Вятке).

В 1978 году окончил Кировский политехнический институт

по профессии инженер-электрик.

Автор шести книг стихотворений.

Автор повестей «Военная школа»,

«В Петропавловске-Камчатском полночь».

Автор публикаций воспоминаний «Бывало-живало»

своего деда, Платона Худякова,

в журнале «Север» в 1989 году,

в журнале «Двина» в 2020 и 2023 годах.

Член Союза писателей России.

